

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 69–77

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 69–77

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

Научная статья

УДК 811.161.1'38

Немая сцена в свете теории речевых жанров

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. В статье предпринят анализ коммуникативных готовности универсального феномена немой сцены под углом зрения теории речевых жанров. Немая сцена понимается как распространенное речевое событие, в процессе которого возникает безмолвно реализуемый психологический эффект восприятия озадачивающей неожиданности. Нами рассматриваются структурно-функциональные признаки немой сцены, ее семантические горизонты и формы проявления в живой речи и в художественных произведениях. Установлено, что структурные составляющие композиции немой сцены включают в себя, во-первых, привычно общающихся адресатов будущей новости, во-вторых, само внезапное коммуникативное событие, в-третьих, эмоционально окрашенную реакцию заметного удивления со стороны участников события, в-четвертых, спонтанно порождаемую обстоятельствами речевую паузу как встречный когнитивный отклик на отклонение от изведенного и привычного; в-пятых, едва намечаемый самой внутренней энергией паузы выход из напряженного состояния. В отмеченной пятиактной цепочке речевых признаков немой сцены доминантную роль в маркировке данного явления играет фактор порождаемого ситуацией невольного содержательного молчания. Красноречивое молчание вызвано состоянием аффекта как непроизвольной реакции на случившееся. Немая сцена – разновидность коммуникативного поведения, способная проявлять себя в пределах разных жанров межличностного дискурса: в информативной сфере бытия, в фатическом общении, в сосредоточенно монологическом мышлении. Немая сцена является испытанной коммуникативной формой обнаружения до времени скрытой весты, вызывающей широкий диапазон ответных реакций – от страха и ужаса до радости и ликования.

Ключевые слова: немая сцена, гипержанр, речевое событие, пауза, удивление, молчание, коммуникативное поведение

Для цитирования: Прозоров В. В. Немая сцена в свете теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 69–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A silent scene in view of the speech genre theory

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. The article offers the analysis of the communicative potential of the silent scene as a universal phenomenon in view of the speech genre theory. A silent scene is understood as a widely spread speech genre event, during which there appears a speechless psychological effect of perceiving puzzling unexpectedness. The

author analyzes structural and functional properties of a silent scene, its semantic horizons and forms of its implementation in speech and fiction. It is established that structural components of the silent scene composition include, firstly, customarily interacting addressees of the coming news, secondly, the unexpected communicative event itself, thirdly, the emotionally colored reaction full of noticeable surprise on the part of the participants of this event, fourthly, a speech pause which is spontaneously originated by the circumstances as an oncoming cognitive feedback to the deviation from something unexperienced and habitual, fifthly, the way out of the dramatic situation, hardly marked out by the interior energy of the pause. In this five-act chain of speech genre properties of a silent scene the factor of unwilling meaningful silence originated by the situation dominates. Conspicuous silence is caused by the affective state as a spontaneous reaction to what has happened. A silent scene is a variety of communicative behavior which is able to manifest itself within different genres of personal discourse: in informative sphere, in phatic communication, in intent monologic brainwork. A silent scene is a time-tested communicative form of discovering hidden before now news which causes a great variety of feedback – from fear and terror to joy and elation.

Keywords: silent scene, hyper genre, speech event, pause, surprise, silence, communicative behavior

For citation: Prozorov V. V. A silent scene in view of the speech genre theory. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Фразеологизм «немая сцена» (далее – НС) напрямую восходит в нашей отечественной коллективной памяти к знаменитому финалу комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», но в то же время предполагает и несомненно более широкий спектр смыслопроявлений.

Наша задача – оценить и описать коммуникативные готовности универсального и многофункционального феномена немой сцены в свете современной теории речевых жанров. Под немой сценой мы соглашались понимать распространенные, многообразные, разномасштабные ситуации речевых жанров, в процессе которых возникает почти безмолвно реализуемый психологический эффект восприятия озадачивающей внезапности. Нежданное событие словно бы лишает погруженных в него дара речи. Слова оказываются бессильными передать реакцию на только что происшедшее.

Своим рождением НС обязана чувству явно ощущаемого / сильного / из ряда вон выходящего удивления, прямым следствием которого является некоторое замешательство и ошеломление (см. осмысление категории удивления в современных филологических работах [1, 2]). Сам характер сурового интенсивного удивления, его коммуникативная тональность [3: 384], эмоциональный всплеск и взрыв, замешательство и восторг обусловлены конкретной ситуацией и могут быть отмечены и откровенным пробуждением страха, и широкой амплитудой ярко окрашенных недоумений или едва заметной растерянности, и произвольной искренней радостью и внутренним ликованием. НС отзывается в таких распространенных речевых конструкциях, как «оторопь взяла», «бросило в дрожь», «в гру-

ди что-то оборвалось», «застыл от страха», «замерли от изумления», «в тихом восторге», «в немом восхищении».

Рассмотрим основные структурно-функциональные признаки НС, ее семантические горизонты и формы проявления в непосредственной живой речи и в словесно-художественном преломлении.

1. Структурно-функциональные признаки НС

В художественно-образном выражении НС отчасти напоминает пантомиму, безмолвное представление, единственным способом выражения мыслей и чувств в котором являются пластические движения, жестикуляция и мимика. В сущности, у Гоголя впечатляюще гротескно и вместе целостно явлены все основные необходимые и достаточные признаки-стадии интересующего нас немого коммуникативного события (как правило, пятиактного в своей темпоральной синтактике, в разновременной протяженности) [4: 24–25]. Обратимся к структурным составляющим композиции НС в гоголевском тексте.

Вся уездная, как мы бы сегодня сказали, элита собирается в доме городничего, чтобы поздравить его и его супругу «с необыкновенным счастьем» – предполагаемым замужеством дочери. Почтмейстер «впопыхах» развеивает умопомрачительные иллюзии. Городничий в смятении и ярости. Все ищут виноватых. Несмотря на стремительность развязки, связанной с известием о том, что Хлестаков, которого все «приняли за ревизора, был не ревизор», наши герои прямо на глазах начинают приходить в себя: городничий несостоявшегося зятя именуется уже вертопрахом; остальные принимаются клей-

мить местных «сплетников городских, лгунов проклятых». Короче говоря, всё готово прийти в привычное удобное состояние. Это *акт первый* – исходный момент, сложным образом определившийся фон будущего скорого превращения.

И тут-то как раз (*акт второй* – внезапное происшествие, неожиданное коммуникативное событие императивного типа), как бог из машины, является вестник – Жандарм с ошарашивающей новостью о приехавшем «по именному повелению» и остановившемся в гостинице настоящим ревизоре.

Акт третий – первая непосредственная когнитивная реакция на случившуюся внезапность: следует авторская ремарка, характеризующая начальный отклик комедийных героев на прозвучавшее известие. Оно «поражает как громом всех». Спонтанное ошеломление сопровождается «звуком изумления», который «единодушно вылетает из дамских уст». И в этот момент (*акт четвертый* – озадаченное безмолвное переживание случившегося, «коммуникативно значимое молчание» [5: 36]) вся группа сценических персонажей, пластически видоизменяясь, «остаётся в окаменении». Далее в тексте комедии как раз и объявляется словосочетание, которому суждено будет стать крылатым: «немая сцена».

Тут всё: испуг, полная потерянности, безмолвное вопрошение, сардонические насмешки, относившиеся «прямо к семейству городничего»... Автор настаивает на почти полтора-минутном окаменении. А у зрителя – полтора-минутное разглядывание преображений, случившихся с только что активно действовавшими лицами. Замерли, застыли, остолбенели... Стихли? На время окаменели, чтобы (предчувствие *акта пятого* – возвращения к привычному состоянию, но осложненному тем, что только что пережито) воспрянуть вновь. По правую сторону от Городничего – «жена и дочь с устремившимся к нему движением всего тела». Эти хоть и застыли, но в любой момент готовы ожить. Простодушный почтмейстер претерпел фантазмагорическую перемену. Он оказался где-то за женой и дочерью городничего и превратился «в вопросительный знак», да ещё и «обращённый к зрителям». Наставнику юношества Луке Лукичу предписывается изображать из себя человека, «потерявшегося самым невинным образом». Проще вроде бы Землянике: играющий его должен наклонить голову несколько набок, как если бы он к чему-то прислушивался. Земляника – услужливый «проньера и плут», по аттестации Гоголя. С него всё как с гуся вода. И здесь он тоже, за компанию одеревенев, слуха тем не менее не утратил и внутренне готов, как он уже докладывал

об этом Хлестакову, и впредь «стараться на службу отечеству».

Целую пантомиму в немой сцене разыгрывает Ляпкин-Тяпкин. Он присел «почти до земли» «с растопыренными руками» и при этом сделал «движение губами, как будто бы хотел посвистать или произнести “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!”». За судьей расположился едва прописанный в тексте комедии отставной чиновник Коробкин. Причем Коробкин, ненароком нарушая принятые в пьесе театральные законы «четвертой стены», обращается к зрителям «с прищуренным глазом и едким намёком на городничего». Предсказуемо устремляются «движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами» Бобчинский и Добчинский. «Поза каждого персонажа в немой сцене пластически передаёт степень потрясения, силу полученного удара», – справедливо итожит Ю. В. Манн [6: 233].

Паралич хитроумной несправедливости? Идея возмездия за грехи? Мысль о неотвратимости закона? Торжество государственной справедливости? Вмешательство высшей карающей силы? Символическая, апокалиптическая картина Страшного Суда? «Финал не отбрасывает героев к исходным позициям, а, проведя их через цепь потрясений, ввергает в новое душевное состояние» [Там же: 235].

Занавес опускается. Мы остаёмся со своими собственными мыслями и проблемами. Но пребывает с нами и беспокойное ощущение присутствия в нашей жизни тех самых противочувствий, которые в полной мере предъявил Гоголь в своей комедии. Гоголевская композиция НС служит точным ключом к пониманию самого феномена внезапной озадаченности и смущения как распространённой разновидности коммуникационного поведения.

Что же представляет собой НС в свете теории речевых жанров? Мы соглашались с мыслью о целесообразности «идеи расширительного понимания РЖ при одновременной внутренней дифференциации данного явления» [7: 144]. По терминологии К. Ф. Седова [8: 14–15] (с учетом обстоятельных уточнений Л. В. Балашовой) [9: 22], НС как комплексное целое в её пятиактном осуществлении напоминает коммуникативно-речевой *гипержанр*, в состав которого входят и различные речевые жанры исходной ситуации (в «Ревизоре» это хор поздравлений, сменяемый публичным чтением частного письма, следующие за этим самоуспокоительные инвективы городничего), и речевой жанр оглашения ошарашивающей новости, и непроизвольные эмоционально-экспрессивные возгласы реагирующих на новость, и безмолвное оцепенение, и пласти-

чески намечаемая готовность выхода из неё. Вместе с тем, НС в силу своей коммуникативной процессуальности может быть отнесена и к сложным *речевым событиям*, которые включают «в свой состав в качестве вербальной составляющей речевые жанры – при этом несколько разных речевых жанров, даже разные наборы их» [7: 139–140].

Важно отметить, что в НС большая роль отводится разнонаправленной энергии этического порядка, которую можно описать при помощи понятий «стыд», «конфуз», «неловкость», «досада», «огорчение», «разочарование», «раздражение», «гнев»... Хотя может проявиться и сочувствие, жалость, симпатия, одобрение, просветление, счастливое озарение. В любом случае НС как сложное коммуникативно-речевое явление предполагает:

- наличие участников исходного, размеренно устоявшегося жизнепорядка, предсказуемого хода житейских обстоятельств, привычно общающихся в традиционно заданных речевых пределах;
- неожиданное коммуникативное событие: обнаружение-объявление непредвиденного случая-прецедента (известия / объекта / события / поведенческого акта), способного мгновенно взволновать, взорвать, возмутить предшествовавшее ему, относительно спокойное общение;
- невербальную / предельно краткую / немногословную, но эмоционально отчетливо окрашенную реакцию удивления со стороны участников события; реакция эта может сопровождаться нечаянно вырвавшимися возгласами, восклицательно-фразеологическим аккомпанементом к происшедшему: «Ба!», «Ах!», «Ну и ну!», «Ничего себе!», «Это ещё что такое?!», «Какими судьбами!», «Вот тебе раз!», «Подумать только!» и т. п.;
- спонтанно порождаемую обстоятельствами речевую паузу, длительность которой напрямую зависит от степени (меры) нарушения спокойного течения предшествовавших стадий коммуникативного контакта; в нашей жизни «существует целый ряд смыслов, которые не могут быть переданы средствами языка даже в незначительной степени» [7: 496].
- выход из напряженного, беспокойного, стрессового состояния, едва заметно намечаемый самой паузой, её внутренней энергией.

Степень соотносительной жесткости / свободы элементов (актов), связывающих НС, зависит от согласованности / рассогласованности настроений, интересов, мироотношений адресанта (носителя непредвиденного сооб-

щения или поступка) и адресата внезапной ошарашивающей новости.

В отмеченной пятиактной цепочке речевых признаков НС доминантную роль в самой маркировке данного события играет фактор порождаемого событием невольного молчания. Молчание вызвано состоянием аффекта, волнения, смущения как непроизвольной реакции на случившееся, происшедшее, открывшееся (см. детальное изучение феномена молчания в отечественной лингвистике и культурологии [5; 10–14]).

Зачастую молчание в НС способно быть описано экспрессивными пословично-поговорочными конструкциями. Сравним в коллекции В. И. Даля, в его «Пословицах, поговорках и прибаутках русского народа», подобные примеры эмоциональных констатаций, подытоживающих резонансы, сопричастных НС: «Что это за невидаль!», «Такие чудеса, что дыбом волоса»; «Чуден свет – дивны люди»; «Дивны дела твои, Господи!»; «Как снег на голову»; «Как огнем обхватило, как паром (варом) обдало»; «Не из тучи гром грянул (из навозной кучи)»; «Не успела кошка умыться, а гости наехали»; «Как рублем подарил»; «Как медом напоил».

НС антропологически задана нам интенциональными состояниями, связанными с поражающей нас новизной, известием, уведомлением, непроизвольно порождающими эффект молчания. Сама семантика молчания, имеющая глубочайшую историческую и предысторическую конвенциональную подоплёку, во многом предопределяет общую тональность и связность НС.

2. Семантические горизонты НС (информатика)

В повседневно-бытовом, прагматическом смысле, находящем свое воплощение и во вторичных (художественных) речевых жанрах, НС – это разновидность коммуникативного поведения, способная проявлять себя в обширных пределах разных жанров межличностного дискурса: и в информативной сфере бытия, и в фатическом общении, и даже в сосредоточенно монологическом мышлении.

В широком *информативно-речевом* пространстве НС рождается при встрече предполагаемого адресата информации с очевидно неожиданными для него вестями (новостями), не вписывающимися в привычную картину мира, в обыденный распорядок жизни, способными огорошить, вызвать изумление и недоумение своей ошеломляющей чудесностью, исключительностью, нелепостью, абсурдностью.

НС способна сопровождать нас в кратковременном и даже почти мгновенном, сравни-

тельно легком ее выражении. Весьма приметное замешательство у родителей может породить сын-первоклассник, впервые в их присутствии невозмутимо использовавший в своей речи нецензурную лексику. Заметное удивление детей вызывает знакомый им дядя, в несвойственной обычно взрослым манере непривычно дурачащийся. Благодарное чувство восторга испытывает именинник, получивший в подарок то, о чем он, как говорится, и во сне мечтать не мог. Еще разнородные ситуативные примеры такого рода НС:

- Девочка трёх лет впервые увидела в зоопарке жирафа, на несколько секунд замерла от удивления и потом тихо прошептала: «Какая длинная кра-со-та!»
- Пациент обомлел, оттого что сию минуту ненароком вдруг прочел в своей истории болезни про скрываемый от него тяжелый диагноз.
- Дедушка только что выяснил, что час назад стал жертвой телефонных мошенников, сильно удручился, молча сник, а потом сокрушенно говорит внуку: «А ведь как складно врать научились!»
- По телефону: «Мама, привет! Мама, ты стоишь? Сядь! Слушай: я вчера вышла замуж за Славика!.. Мама?! Ты меня слышишь? Алло!? Алло!? Алло!? Мама! Ну вот, отключилась!»
- «Я не то, что вы предполагаете, /.../ я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула» (А. С. Пушкин «Дубровский»).

НС изображена на картине И. Е. Репина «Не ждали» (1884–1888). Мы свидетели внезапного, с некоторой внутренней робостью возвращения в родной дом, в свою семью отбывшего заключение праведного человека, прошедшего трудные испытания судьбой. Перед нами первые мгновения осознания его близкими происшедшего – неожиданной, но давно желанной встречи с родным человеком. Шок, некоторая растерянность (когда глазам своим не веришь!), готовая смениться на радостный порыв и счастливые со слезами на глазах объятия.

На картине А. М. Волкова «Прерванное обручение» (1860) запечатлен печальный и одновременно разоблачительный сюжет. Молодой человек сватается к дочери купца. По всей вероятности, предупрежденная об этом событии на торжество явилась и обманутая «женихом» молодая женщина со своим отцом и маленьким ребёнком на руках. НС исполнена мелодраматизма: замешательство обольстителя, обморочные состояния пострадавших женщин, шок, возмущение собравшихся гостей

Одно из самых проникновенных явлений НС в русском живописном искусстве – грандиозное полотно А. А. Иванова «Явление Христа народу» (1837–1857). Пустыня на берегу Иордана. Иоанн Креститель (Предтеча) красноречивым жестом обращает всеобщее внимание на явление Спасителя. Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» почувствовал эту картину во внутреннем её движении: каждый из воссозданных на полотне по-своему переживает речь пророка. На одних лицах – «уже полная вера; на других – еще сомненье; третьи уже колеблются; четвертые понурили главы в сокрушении и покаянии; есть и такие, на которых видна еще кора и бесчувственность сердечная». Вдали открывается нам Спаситель: «Он, в небесном спокойствии и чудном отдалении, тихой и твердой стопой уже приближается к людям». НС покоряет многообразно живым, психологически выразительным величием и всепроникающей духовной красотой и силой.

Амплитуда семантических горизонтов воплощения НС в информационно-коммуникативном пространстве поистине необозрима. Вероятно, в большей степени то же заключение применимо к фатике.

3. Семантические горизонты НС (фатика и автокоммуникация)

НС в ее *фатических* осуществлениях сплошь и рядом обнаруживается в таких ситуациях коммуникативного контакта, когда общение оказывается по разным поводам затруднено и исполнено растерянности, смущения, неловкости, немого удивления, немой радости.

Вот один из многочисленных случаев любования картинами природы, любования прекрасным: «Иди сюда! Скорее! Смотри, смотри, какая радуга! В полнеба!» – оба зачарованно глядят. По своей психологической природе сильное удивление заразительно и может стать удачным (просветляюще добрым) коммуникативным событием, если рядом с тобой кто-то, кто в состоянии разделить твои чувства и состояния.

С понятной долей смущения отнесенная нами к информационно-коммуникативному ряду примеров сюжетика картины «Явление Христа народу», несущая в себе огромный заряд душевного и духовного просветления, с ещё большей справедливостью может быть зачислена по классу фатических выражений и пробуждений.

НС очень часто сопутствует фатической коммуникации, предсказуемо сопровождая её в трудно обозримых конфликтных ситуациях большой эмоционально-экспрессивной насыщенности и напряженности, в процессе выяс-

нения отношений, разговоров «по существу», «по душам», объяснений личного, интимного, сокровенного характера и т. п.

НС предстает перед читателями в начале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», когда беззаботный и довольный собой Стива Облонский возвращается из театра и застаёт жену с запиской, открывшей ей глаза на измену мужа с французенкой-гувернанткой: Долли «неподвижно сидела с запиской в руке и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него. – Что это? это? – спрашивала она, указывая на записку». Долли чуть позже попробует ему и себе объяснить всю тяжесть той невыговариваемой НС: «Ну, скажите, после того... что было, разве возможно нам жить вместе? Разве это возможно? Скажите же, разве это возможно? – повторяла она, возвышая голос. – После того как мой муж, отец моих детей, входит в любовную связь с гувернанткой своих детей...»

К примерам НС фатического ряда может быть отнесено и художественно-образное разрешение сюжета в пушкинском «Евгении Онегине»: «Она ушла. Стоит Евгений, // Как будто громом поражен. // В какую бурю ощущений // Теперь он сердцем погружен! /.../»

НС постоянно случается при неудачно складывающихся диалогах в процессе фатической коммуникации. В комическом контексте припоминается Иван Федорович Шпонька в трудно ему дающейся беседе наедине с белокурой барышней Машенькой – Марьей Григорьевной: «Ни одна мысль не приходила на ум. Молчание продолжалось около четверти часа. Барышня все так же сидела. Наконец Иван Федорович собрался с духом. – Летом очень много мух, сударыня! – произнес он полудрожащим голосом. – Чрезвычайно много! – отвечала барышня» (Н. В. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»). Припомним и сопровождаемые НС неловкие объяснения Подколесина и Агафьи Тихоновны в «Женитьбе» Н. В. Гоголя, Вари и Лопухина в «Вишневом саде» А. П. Чехова и др.

Красноречив разговор Павла Петровича Кирсанова с Базаровым в «Отцах и детях» И. С. Тургенева. Сперва Базаров почти демонстративно по ходу навязываемой ему беседы «отвечал коротким зевком», другой раз перебил рассуждения своего собеседника явно провокативным заключением: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», затем отвечал ему «с презрительной усмешкой» и, наконец, в ответ на его расспросы заметил: «Что это, допрос?» И следует предельно короткий авторский комментарий, обозначающий наступившую за столом немую сцену: «Павел Петрович слегка поблуднел...» Вмешательством в разговор Николай Пет-

рович попробовал разрядить напряженную ситуацию.

Особый интерес в связи с феноменом НС представляет финал пьесы А. П. Чехова «Чайка». Осенняя непогода. Сосредоточенные каждый на себе, обитатели усадьбы вместе с Аркадиной и Тригориным коротают вечер. Слышится «за сценой выстрел; все вздрагивают». Аркадина (испуганно): «Что такое?» Набегающую НС почти до самого занавеса хладнокровно пробует отдалить доктор Дорн: «Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь». Он уходит и через полминуты возвращается. Это полминуты предельно напряженного, тревожного молчания-ожидания. Дорн: «Так и есть. Лопнула склянка с эфиром». Напевает «Цыганскую песню» (на слова Иннокентия Анненского): «Я вновь пред тобою стою очарован...». Аркадина переводит дыхание. Дорн подводит Тригорина «к рампе», вполголоса просит его: «Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну» и поясняет: «Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...» Следует занавес. Предуготовленная всей цепью сюжетных состояний и событий НС всецело адресуется теперь зрительному залу. Испытание немой сценой погружает зрителя в круговорот вызванных финалом противочувствий. Показатель успеха каждого данного спектакля зависит от пронзительной силы преподнесенной театром немой сцены, от глубины и сложности её переживания зрителем. Здесь НС словно бы невольно отдалает традиционные аплодисменты.

Потрясает своим волнующим и возвышающим драматизмом НС в исполнении Александра Калягина (Михаил Васильевич Платонов) и Евгении Глушенко (Сашенька), заключающая фильм Н. С. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1977). Многообразие форм и способов осуществления НС в фатической коммуникации требуют специального пристального рассмотрения.

Комическое впечатление оставляет ситуация, когда в момент её разрешения НС явно напрашивается, но по разным причинам не случается. На память приходит финал гоголевской повести «Коляска»: помещик Чертокуцкий возвращается домой изрядно пьяный; на следующий день он разбужен своей ни о чем не подозревающей супругой в момент, когда приглашенные им накануне высокие гости прибыли к нему в полном составе и он спросонок, сознавая масштабы конфуза, решается передать, что его нет дома и спрятаться от них в новой коляске, которой накануне им же похвалялся. Недоумевающие офицеры, сопровождаемые конюхом, решают

хоть на коляску взглянуть. Читатель замирает в ожидании немой сцены... Однако, изумленно взглянув на Чертокуцкого, который сидел в халате, согнувшись «необыкновенным образом», генерал произносит только «А, вы здесь!» и, захлопнув дверцы коляски, уезжает «вместе с господами офицерами». Минус-прием (отсутствие предполагаемой реакции) заметно усиливает комизм положения.

На наш взгляд, НС может фиксироваться и в процессе автокоммуникации. Я бы сказал, что фатический отсвет различим и в ситуациях, связанных с монологическим мышлением. Наши раздумья по разным поводам прерываются внезапными догадками, предположениями, озарениями, которые невольно требуют некоторой приостановки – внутренней паузы, перегруппировки мыслей, полноценного прочувствования и некоего сосредоточения собственного внимания на вдруг явившемся новом предмете рефлексии.

Сложность в определении НС в монологическом мышлении связана с тем, что все виды «онемения» так или иначе происходят благодаря внутренним переживаниям и потрясениям. Это бесспорно. Но верно и то, что в самом «уединенном» процессе мысли тоже (в том числе и под влиянием внешних раздражителей) нередко случаются произвольные, разной протяженности чувствительные внутренние приостановки, вызванные потребностью что-то передумать, пересмотреть, пережить, переубедить самого себя.

При вдумчивом выразительном чтении стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» перед второй строфой «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит» отчетливо напрашивается многозначительная пауза, знаменующая нашу ответную реакцию на начальное утвердительное отрицание, за которым угадываются огромной силы сложнейшие переживания-колебания мысли поэта.

Ещё пример: Ученому-математику вдруг (эврика!) является понимание давно уже тревожившего его способа решения задачи: какое-то время ему нужно, чтобы в восторженном молчании внутренне согласить пришедшую на ум мысль с истиной.

В автобиографическом романе С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1858) ребенок в младенческом еще возрасте испытал невероятно сильные для него впечатления от сложной (всей семьей) переправы по быстрой реке Белой и буквально онемел от страха: «Все смеялись, говоря, что от страха у меня язык отнялся, но это было не совсем справедливо: я был подавлен не столько страхом, сколько новостью предметов и величиной

картины, красоту которой я чувствовал, хотя объяснить, конечно, не умел».

Вспоминаются переживания, в которые посвящает нас В. А. Жуковский в стихотворении «Невыразимое» (1819). Переживания наедине с собой связаны с внутренним восторгом человека, созерцающего красоту «дивной природы»: «Хотим прекрасное в полете удержать». И финальный стих, исполненный истинного откровения: «И лишь молчание понятно говорит».

Оторопь охватывает Пискарева, героя повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» (1833–1834), когда вдруг в пленившей его воображение красавице он открывает «тлетворное дыхание разврата»: «Повесивши голову и опустивши руки, сидел он в своей комнате, как бедняк, нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший ее в море. “Такая красавица, такие божественные черты – и где же? в каком месте!..” Вот все, что он мог выговорить».

Немое изумление в жизни и в искусстве часто означает вдруг, по какому-то конкретному поводу необычайно остро обнаруживаемое разительное расхождение мечты и реальности, «желанного и данного» (А. П. Скафтымов). В подобных случаях слишком трудно бывает отчетливо различить доминирование в НС речежанровых признаков информатики, фатики и монологического мышления [15]. Большие информативные, фатические и автокоммуникативные речежанровые поля часто диффузны и смыкаются порой до неразличимости.

Один из самых ярких примеров в нашей словесно-художественной культуре и одновременно одно из сложнейших испытаний для нашей аналитической практики – НС в финале пушкинской драмы «Борис Годунов» (1825). Народная стихия здесь – одна из самых главных действующих сил исторического движения. В её поддержке кровно заинтересованы все без исключения властные субъекты политических противостояний и противоборств. Внутренняя логика её изменений предпочтений не является, разумеется, непосредственным предметом наших рассуждений. Но вне этой мотивной логики не понять и многозначно мощную силу НС у Пушкина.

В авторской ремарке, давно уже ставшей крылатой, запечатлено состояние массового шока. Народ безмолвствует? Что таится в этом безмолвии? О чем народ вдруг «в ужасе молчит»? Безмолвие может быть и зловещим, и благодатным?

Тайно и вечно склонный к смятению, народ поддержал Лжедмитрия, победной толпой ворвался в Кремль с воплями «Да гибнет род Бориса Годунова!» Один из них, правда, сжалился над детьми покойного царя: «Брат

да сестра! Бедные дети, что пташки в клетке». И вот народ расступается: в кремлевский дом Борисов входят именитые бояре. Из дома раздаётся шум: «Тревога, дерутся...» Слышен женский визг. Крики замолкают. На крыльце дома появляется Мосальский: «Народ! Мария Годунова и сын её Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы». Авторская ремарка: «Народ в ужасе молчит». Представителя новой власти неприятно удивляет и изумляет приключившаяся перемена в состоянии народном: «Что ж вы молчите?» И дальше четкая побудительно приказная установка: «Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!»

В ответ – народное безмолвие, мёртвая тишина, затишье перед новой бурей, «бессмысленной и беспощадной»? Её начальное закипание? Реакция на очевидную и наглую ложь? Ужас перед лицом свершившейся жестокой расправы? Осуждение случившегося? Обращенная к себе укоризна? Сковавшая всех оторопь? НС не даёт ответа. В этом её притягательная скорбная сила. Здесь и угрюмая реакция на заведомо лживую новостную информацию, и проснувшееся сострадание к невинно убиенным, и разверзшаяся в душах людей бездна.

Заключение

НС – своего рода момент истины, одна из испытанных универсальных коммуникативных форм обнаружения чего-то, доселе скрытого, потаенного, вызывающего в нас широкий диапазон ответных реакций – от легкого недоумения и растерянности до смятения и ужаса, от просветления до ликования. Непременное сопровождение любой НС – разной протяженности красноречивое молчание как встречный когнитивный отклик на отчетливое отклонение от изведенного и привычного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев А. Е. Об удивлении как лингвостецифичном концепте русского языка // Вестник НГУ. Серия : История, философия. 2018. Т. 16, № 2. С. 90–100.
2. Почепцов Г. Г. Молчание как речевой акт // Сборник научных трудов Московского ордена Дружбы народов государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза. Вып. 252. М. : МГПИИЯ, 1985. С. 43–52.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
4. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34.
5. Копылова Т. Р. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализу // Вестник Удмуртского

Отмеченное нами пятиактное коммуникативное строение НС позволяет рассматривать различные версии её динамического осуществления. Всякий раз немой сцене предшествует внезапное и нечаемое явление (слово, образ, поступок, действие). Сама непосредственная и откровенная реакция на это явление и выливается в НС. От градуса реакций на ситуативную неожиданность впрямую зависит и продолжительность невольной обескураживающей паузы.

НС могут различаться по разным критериям. Например, с точки зрения значительности повода, их породившего: от досады на собственную невнимательность или забывчивость по конкретному бытовому поводу до поражающего воображение, внезапно открывшегося нам поворота важных событий исторического масштаба.

Эмоционально-экспрессивная выраженность НС зависит и от самообладания субъекта восприятия, и от степени неожиданности произошедшего. Непременное, разной силы эмоциональное, этически ориентированное сопровождение НС склоняет к мысли о родственной близости этого коммуникативного феномена к бесконечному разнообразию фатических по преимуществу способов жизнечувствования и непонимания.

НС в крайнем её выражении может быть близка диагностируемому в медицине шоку как ответной реакции организма на воздействие чрезвычайных раздражителей. Выскажем предположение, что НС – одна из важнейших психотерапевтических операций, бессознательный способ эмоционально-интеллектуального коммуникативного регулирования. Часто это переживаемое нами состояние способствует своевременной адаптации к выбивающей из колеи поразительной новости, удивительному явлению или диковинному развороту событий.

университета. Серия История и филология. 2014. Вып. 2. С. 36–39.

6. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Изд. 2-е, доп. М. : Худож. лит., 1988. 412 с.

7. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

8. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

9. Балашова Л. В. Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 21–44.

10. Кузёмина Е. Ф. Молчание как выразительность говорения // Кубанский государственный технологи-

ческий вестник. Теория и практика общественного развития. 2008. Вып. 1. С. 154–157.

11. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 24 с.

12. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского : Филология. 2012. № 5, ч. 3, С. 77–82.

13. Носова О. Е. Молчание: стратегия и тактика // Вестн. Башкир. ун-та. 2009. Т. 14, № 1. С. 105–109.

14. Радионова Е. С. Семантика и прагматика молчания // Язык. Человек. Картина мира : материалы всероссийской научной конференции. Ч. 1. Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. С. 179–182.

15. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

REFERENCES

1. Bochkarev A. E. On surprise as a lingua-specific concept of the Russian language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 90–100 (in Russian).

2. Pocheptsov G. G. Silence as a speech act. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo ordena Druzhby narodov gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni Morisa Torez* [Collection Scientific Proceedings of the Maurice Tores Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages]. Moscow, MSPIFL, 1985, iss. 252, pp. 43–52 (in Russian).

3. Karasik V. I. *Jazykovye kljuchi* [Linguistic clues]. Volgograd, Paradigma, 2007. 520 p. (in Russian).

4. Goldin V. E. Names of speech events, of speech deeds, and of genres of Russian speech. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Pod red. V. E. Goldina* [Goldin V. E., ed. Speech genres: Coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 23–34 (in Russian).

5. Kopylova T. R. Silence in modern linguistics: Approaches to analysis. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology*, 2014, iss. 2, pp. 36–39 (in Russian).

6. Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Izd. 2-ye, dop.* [Poetics of Gogol. Ed. 2nd, add.]. Moscow, Khudozh. lit., 1988. 412 p. (in Russian).

7. Demytyev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

8. Sedov K. F. Man in the genres of modern communication space. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnaya kommunikatsiya. Pod red. R. F. Sedova* [Sedov K. F., ed. Anthology of speech genres: Daily communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–38 (in Russian).

9. Balashova L. V. Genres of “extra-literary speech culture” in the mirror of metaphor. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts.]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, iss. 5. Genre and culture, pp. 21–44 (in Russian).

10. Kuzymina E. F. Silence as expressiveness of speaking. *Kuban State Technological Bulletin. Theory and Practice of Social Development*, 2008, vol. 1, pp. 154–157 (in Russian).

11. Melikyan S. V. *The Speech Act of Silence in the Structure of Communication*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 2000. 24 p. (in Russian).

12. Mukhametov D. B. Silence as a component of Russian culture. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology*, 2012, no. 5, part. 3, pp. 77–82 (in Russian).

13. Nosova O. E. Silence: Strategy and tactics. *Bulletin of the Bashkir University*, 2009, vol. 14, no. 1, pp. 105–109 (in Russian).

14. Radionova E. S. Semantics and pragmatics of silence. In: *Yazyk. Chelovek. Kartina mira: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Ch. 1* [Language. Man. Picture of the world: Proceedings of the All-Russian scientific conference. Part 1]. Omsk, Omsk State University Press, 2000, pp. 179–182 (in Russian).

15. Prozorov V. V. Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-Writing Modes Theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>

Поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 28.02.2025

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 28.02.2025